

Действующие лица

Королевская семья и приближенные

Эдуард Альберт Кристиан Георг Эндрю Патрик Давид, позднее Эдуард VIII, позднее герцог Виндзорский, из принца — в короля, из короля — в герцога

Принц Альберт «Берти» Георг, герцог Йоркский, позднее Георг VI, младший брат Эдуарда

Георг V, покойный король, отец Эдуарда

Королева Мария, мать Эдуарда

Принц Георг, герцог Кентский, младший брат Эдуарда

Принц Генри, герцог Глостерский, младший брат Эдуарда

Мария, Королевская принцесса, графиня Хэввуд, младшая сестра Эдуарда

Карл Эдуард, герцог Саксен-Кобург-Готский, кузен Эдуарда

Луис Маунтбеттен, кузен Эдуарда

Елизавета, герцогиня Йоркская, жена Берти

Принцессы Елизавета и Маргарет, дети Берти и племянницы Эдуарда

Уоллис Симпсон, ставшая для Эдуарда той самой Еленой Троянской

Граф Уинфилд Спенсер-младший, первый муж Уоллис

Эрнест Симпсон, второй муж Уоллис

Бесси Мерриман, тетя Уоллис

Фреда Дадли Уорд, бывшая любовница Эдуарда

Тельма Фернесс, любовница Эдуарда до Уоллис

КРИЗИС КОРОНЫ

Алек Хардинг, личный секретарь Эдуарда VIII
Хелен Хардинг, жена Алека
Сэр Годфри Томас, помощник личного секретаря Эдуарда VIII
Алан «Томми» Ласселс, помощник личного секретаря Эдуарда VIII
Джон Эйрд, королевский конюший
Адмирал сэр Лайонел Хэлси, королевский конюший
Мэйбелл Огилви, графиня Эйрли, фрейлина королевы Марии
Улик Александер, придворный
Перегрин «Перри» Браунлоу, камергёр Эдуарда
Сэр Эрик Мьевиль, личный секретарь Берти
Эдвард Пикок, генеральный казначей герцогства Корнуолл
Клайв Уиграм, барон Уиграм, бывший личный секретарь короля
Сэр Уильям Фишер, адмирал и главнокомандующий флотом

Юристы

Уолтер Монктон, юрист и советник Эдуарда VIII
Сент-Джон «Джек» Хатчинсон, барристер Джорджа Макмагона
Альфред Керстайн, солиситор Джорджа Макмагона
Сэр Дональд Сомервелл, генеральный атторней
Теодор Годдард, солиситор Уоллис по делу о разводе
Роберт Эгертон, клерк Годдарда
Норман Биркетт, адвокат по бракоразводным процессам Уоллис
Сэр Энтони Хоук, судья Высокого суда
Джордж Аллен, солиситор Эдуарда
Сэр Томас Барнс, Королевский проктор (представитель Короны в суде)

Пресса

Лорд Бивербрук, газетный магнат
Лорд Камроуз, владелец газеты Daily Sketch
Лорд Ротермир, владелец газеты Daily Mail
Эсмонд Хармсворт, его сын и председатель Ассоциации владельцев газет
Бернард Рикатсон-Хатт, главный редактор The Reuters

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Джефффри Доусон, редактор The Times

Джон Рейт, генеральный директор BBC

Х. Л. Менкен, колумнист Baltimore Sun

Политики

Стэнли Болдуин, премьер-министр Великобритании

Клемент Эттли, лидер Лейбористской партии

Дэвид Ллойд-Джордж, бывший премьер-министр Великобритании

Рамсей Макдональд, бывший премьер-министр

Невилл Чемберлен, канцлер казначейства

Энтони Иден, министр иностранных дел

Дж. К. К. Дэвидсон, канцлер герцогства Ланкастерского

Сэр Джон Саймон, министр внутренних дел

Дафф Купер, военный министр

Сэр Роберт Ванситтарт, постоянный заместитель министра иностранных дел

Дэвид Линдси, граф Кроуфорд, бывший главный парламентский организатор от консерваторов

Уинстон Черчилль, политик-консерватор

Сэр Сэмюэл Хор, первый лорд адмиралтейства

Сэр Хорас Уилсон, высокопоставленный государственный служащий и помощник Болдуина

Роберт «Боб» Бутби, политик-консерватор

Эдвард Спирс, политик-консерватор

Томас «Томми» Дагдейл, личный секретарь Болдуина

Лео Эмери, политик-консерватор

Генри Марджессон, главный парламентский организатор от консерваторов

Освальд Мосли, лидер Британского союза фашистов

Адольф Гитлер, фюрер Германии

Иоахим фон Риббентроп, посол Германии в Великобритании

Константин фон Нейрат, министр иностранных дел Германии

Фриц Хессе, пресс-атташе посольства Германии

Сэр Эрик Фишпс, посол Великобритании в Германии

КРИЗИС КОРОНЫ

Кемаль Ататюрк, президент Турции

Сэр Рональд Линдсей, посол Великобритании в Соединенных Штатах

Религия

Космо Лэнг, архиепископ Кентерберийский

Альфред Блант, епископ Брэдфорда

Высшее общество

Леди Мод «Эмеральд» Кунард, светская львица, симпатизирующая Германии

Генри «Чипс» Ченнон, политик-консерватор и мемуарист

Диана Купер, жена Даффа, «самая желанная женщина в Англии»

Сесил Битон, светский фотограф и мемуарист

Сэр Морис Дженкс, лорд-мэр Лондона

Баттеркап («Лютик») Кеннеди, также известная как Мэри Кирк, подруга Уоллис и Эрнеста Симпсон

Гарольд Николсон, политик-консерватор и мемуарист

Люси Болдуин, жена премьер-министра

Вернон Келл, основатель и первый директор MI5

Джон Оттауэй, глава детективного отдела MI5

Томас Аргайл «Тар» Робинсон, оперативник MI5

Кэрю Робинсон, сотрудник Министерства внутренних дел

Герман и Кэтрин Роджерс, друзья Уоллис

Осберт Ситуэлл, писатель и острослов

Маргарет «Тетя Мэгги» Гревилл, светская львица

Сибил Коулфакс, светская дама

Прочее общество

Гай Грандл, продавец автомобилей и друг Уоллис

Джордж Макмагон, несостоявшийся королевский убийца

Мэй Макмагон, его жена

Элис Лоуренс, поклонница королевской семьи и патриотка

Энтони Дик, специальный констебль полиции

Давайте сядем наземь и припомним
Предания о смерти королей.
Тот был низложен, тот убит в бою,
Тот призраками жертв своих замучен,
Тот был отравлен собственной женой,
А тот во сне зарезан — всех убили.
Внутри венца, который окружает
Нам, государям, бренное чело,
Сидит на троне смерть, шутиха злая,
Глумясь над нами, над величием нашим.
Она потешиться нам позволяет:
Сыграть роль короля, который всем
Внушает страх и убивает взглядом;
Она дает нам призрачную власть
И уверяет нас, что наша плоть
Несокрушимая стена из меди.
Но лишь поверим ей, — она булавкой
Проткнет ту стену, — и прощай, король!
Накройте ваши головы: почтение
К бессильной этой плоти — лишь насмешка.
Забудьте долг, обычай, этикет:
Они вводили в заблуждение вас.
Ведь, как и вы, я насыщаюсь хлебом,
Желаю, стражду и друзей ишу,
Я подчинен своим страстям — зачем же
Вы все меня зовете «государь»?¹

¹ *Шекспир* У. Ричард II / Пер. М. Донского. Акт III, сцена II // *Шекспир* У. Полное собрание сочинений в восьми томах / Под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. М.: Искусство, 1958. Т. 3. С. 409–514.

Введение

8 декабря 1936 года Ивлин Во так отозвался о саге отречения в своем дневнике: «Симпсоновский кризис — истинное наслаждение для всех!» В его словах сквозило ликование. «В лечебнице у Мейди, — продолжал он, — сообщают о явном улучшении самочувствия у всех взрослых пациентов. Едва ли они застали хотя бы одно событие, которое принесло так много радости — и никаких страданий». В этом остроумном и несколько легковесном наблюдении Во была доля истины. Однако если для одних радость и впрямь была безмерна, то страдания, уравнивающие ее для других, были столь же сильны.

События того года не имели прецедента в истории Англии. До Эдуарда VIII на троне восседали самые разные монархи: гнусные и героические, невежественные, тщеславные и святые. Но история еще не знала короля, отринувшего корону ради брака. Если же прежние властители, желая взять в жены избранницу, сталкивались с общественным прищипыванием, они не гнушались грубой силой.

Однако для Эдуарда столь радикальное изменение общественных устоев было невозможно — ему не досталось пронырливого и сговорчивого советника, способного претворить в жизнь его вождеденные реформы. Вместо этого ему пришлось иметь дело с объединенным фронтом могуществен-

нейших деятелей Британии, многие из которых пытались сорвать его замыслы. Мотивы одних были продиктованы принципами, других — личной неприязнью. Борьба, казалось бы, была неравной, но Эдуард все-таки был королем, а еще — обладал несомненной харизмой и неотразимым обаянием. В развернувшейся схватке умов и влияний силы уравновешивали друг друга. До самого исхода кризиса ни одна из сторон не могла предвидеть триумфа, и даже когда шаткое перемирие, для Эдуарда обернувшееся, по сути, сдачей позиций, ознаменовало победу консервативного истеблишмента, этот триумф был оплачен немалой ценой для самих победителей.

Недооценили они и ту силу, что таилась в женщине, едва не сокрушившей монархию: Уоллис Симпсон. Едва ли не самая фотографируемая и обсуждаемая женщина своего времени, вплоть до самой кончины в 1986 году, она тем не менее снискала репутацию амбициозной искательницы наживы. Сегодня все более весомыми становятся аргументы тех, кто склонен видеть в ней фигуру, предвосхитившую феминистическое движение, предлагая взглянуть на Уоллис как на женщину, сумевшую утвердиться в патриархальном обществе, получив влияние благодаря интеллекту и целеустремленности. В то же время не утихают споры о ее роли как искусной манипуляторши, хладнокровно использовавшей уязвимость короля в своих интересах, пренебрегая государственными соображениями. Я же считаю, что элементы истины есть в обоих подходах, равно как и в многообразии нюансов, что лежат между этими крайностями. И при всем значении любовной линии Эдуарда и Уоллис для понимания событий было бы опрометчиво сводить к ней все причины отречения.

Изначально эта книга задумывалась как биография Уолтера Монктона, одной из ключевых фигур в драме отречения. Погружаясь в исследование жизни Монктона и его роли в кризисные дни, я осознал, что отречение стало не просто кульминацией его судьбы, но и поворотным моментом для

многих, кто оказался вовлечен в этот водоворот событий. Имя личного секретаря короля, Алека Хардинга, вряд ли сохранилось бы в памяти потомков, если бы не его экстраординарные, граничащие с предательством, действия в отношении своего монарха. И уж точно канул бы в Лету Джером Браниган, известный также как Джордж Макмагон, если бы не его таинственное покушение на Эдуарда в июле 1936 года, загадка которого не разгадана до сих пор.

По мере того как я углублялся в изучение мемуаров (опубликованных и сохранившихся в архивах) участников кризиса, а также газетных свидетельств тех лет, передо мной разворачивалась картина все более многогранная и противоречивая. Почему Эдуард не смог принять решение об отречении единолично, как только стало очевидно, что Уоллис не суждено стать королевой? Какая власть была у нее над ним? Какими были отношения короля с его ближайшим окружением? Кто были его союзники, а кто — противники? И эти вопросы влекли за собой новые. Почему Эрнест, муж Уоллис, оставался безучастным наблюдателем? Что на самом деле чувствовала Уоллис, оказавшись в центре бури? Что же представляла собой «Королевская партия» и насколько близка она была к свержению правительства? Почему Стэнли Болдуин и лорд Бивербрук питали друг к другу столь непримиримую ненависть? Имел ли Эдуард в действительности нацистские симпатии? И наконец, что заставило тайного агента MI5 покуситься на его жизнь?

Для меня стало большой честью погрузиться в изучение редких архивных источников, многие из которых были рассекречены лишь недавно, а некоторые и вовсе впервые обнародованы на страницах этой книги. Я смог провести интервью с теми, кто знал Эдуарда и Уоллис, изучить обширную коллекцию дневников, писем и свидетельств очевидцев кризиса отречения, что позволило мне выстроить собственную, надеюсь, обоснованную интерпретацию событий. Исследование одного из самых драматичных периодов

в истории Англии стало для меня откровением и бесценным опытом. Я искренне надеюсь, что эта книга станет достойным итогом моих изысканий и что ее выводы и открытия окажутся столь же неожиданными и захватывающими для читателя, как когда-то для меня, ее автора.

Справедливости ради стоит отметить, что некоторые из этих выводов могут показаться неоднозначными. Признаюсь, я так и не смог проникнуться чувством симпатии к Эдуарду VIII, хотя, к своему удивлению, был тронут до слез, читая в Виндзорском замке исполненные скорби письма, адресованные ему друзьями и почитателями в дни, когда он готовился сложить с себя королевские полномочия. Не разделяя, однако, той крайней неприязни, свойственной премьер-министру и придворному Томми Ласселсу, которые открыто желали смерти Эдуарду еще до коронации, я все же склонен считать Эдуарда одной из самых заурядных фигур на британском престоле. И в судьбоносный момент начала Второй мировой войны стране, несомненно, повезло обрести во главе куда более ответственного и достойного монарха — Георга VI.

Во многом благодаря блестящей игре Алекса Дженнинга и Дерека Джекоби, воплотивших образ герцога Виндзорского в первых трех сезонах сериала Питера Моргана «Корона» (*The Crown*), у многих сложилось достаточно отчетливое представление, каким он стал в зрелые годы. Актеры их калибра и глубины способны наделить благородством даже самые неприглядные натуры, кроме того, Эдуард искусно перековал свой образ, представ умудренным жизнью государственным деятелем, безупречно одетым, ревностным блюстителем королевского этикета — разумеется, в той мере, в какой это соответствовало его личным пристрастиям. О его, прямо скажем, не самой выдающейся монаршей службе предпочитали не вспоминать публично, за исключением тех редких случаев, когда на горизонте маячил внушительный гонорар. И все же именно события 1936 года определили его дальнейшую судьбу — и его репутацию.

Стремясь к объективности и справедливости, я не мог не отметить его обаяние и харизму, как и то, какую неподдельную любовь и преданность он внушал людям, превосходящим его по всем статьям. При всем этом я не могу заставить себя восхитаться человеком, которого даже друг Монктон характеризовал как верующего в некое божество, которое «подкидывает ему козырей и не ставит преград никаким его желаниям». В конечном счете, он жил лишь ради собственных прихотей и удовольствий, ожидая, что его воля будет исполняться беспрекословно и незамедлительно. Как писал его личный секретарь Алек Хардинг, «едва ли стоит удивляться, что за десять месяцев непрерывной работы и тяжкого бремени ответственности он так и не снизошел до слова благодарности или признательности в адрес кого-либо из своих служащих». Иные, возможно, проникнутся к нему большей симпатией; его мемуары, написанные гострайтерами, «История короля» (A King's Story: The Memoirs of H.R.H. the Duke of Windsor K. G.), представляя его личное, неизбежно пристрастное, видение кризиса.

И все же эта книга не просто история Эдуарда или Уоллис. Она — летопись переломной эпохи в британской истории, когда рухнули устоявшиеся представления о королевском достоинстве и долге, и образовавшаяся в результате нравственная и общественная пустота едва не ввергла страну в хаос, превосходящий самые мрачные пророчества современников. Благополучное разрешение кризиса стало свидетельством как традиционных добродетелей британского характера — стойкости, изобретательности и мужества, — так и менее афишируемых, но столь же неотъемлемых черт национального сознания, таких как лицемерие и отступничество. Такова была цена спасения трона. И в преддверии надвигающейся международной катастрофы мало кто осмелился бы поспорить задним числом с тем, что цена эта, сколь бы беспрецедентной она ни была, была заплачена не зря.

Оксфорд, февраль 2020 года

Пролог

«Добудь мне английский союз»

Это был беспрецедентный шанс перекроить мировой порядок.

Два человека, встретившиеся в уединенной комнате в Байройте 21 июля 1936 года, оба не понаслышке знали о неприглядной изнанке общества. Первый, бывший торговец вином, взмыл к нынешним впечатляющим высотам рейхсминистра — чрезвычайного и полномочного посла — лишь благодаря готовности льстить всякому, от кого зависело его продвижение. Враги презирали его, считая его не более чем выскочкой и подхалимом, но он знал, что их презрение — ничто в сравнении с благосклонностью человека, сидящего напротив: фюрера Германии. Иоахим фон Риббентроп и Адольф Гитлер встретились, чтобы определить, какая из имевшихся у Гитлера дипломатических должностей могла бы удовлетворить амбиции потенциального посла.

Риббентроп долгое время грезил о кресле статс-секретаря Министерства иностранных дел, однако Гитлер не спешил одаривать своего сподвижника столь высокой наградой. Несмотря на значительное доверие к Риббентропу, фюрер создавал, что найдутся те — и в первую очередь действующий министр иностранных дел Германии

Константин фон Нейрат, — кто воспротивится подобному назначению. Взамен Гитлер решил предложить Риббентропу другую должность, которая, как оказалось впоследствии, была не менее важной: пост посла в Лондоне. Это место, освободившееся после смерти предыдущего посла Леопольда фон Хёша несколькими месяцами ранее, сулило амбициозному и влиятельному человеку большие возможности.

Для Риббентропа как англофила, коллекционировавшего английские книги и свободно говорившего на этом языке, это назначение было большой честью. Пусть первоначальное разочарование от упущенной, казалось бы, более престижной должности и кольнуло его самолюбие, он быстро свылся с новой перспективой. Гитлер недвусмысленно дал понять жаждущему власти Риббентропу, что публичная поддержка его режима в Лондоне станет триумфом неслыханных масштабов, и намекнул, что в случае успеха его ждет пост министра иностранных дел, взамен фон Нейрата.

Прощаясь, Гитлер, по преданию, обронил: «Риббентроп, добудь мне английский союз» [1].

Десять лет спустя Риббентроп жалко ютился в камере нюрнбергской тюрьмы в ожидании неминуемой участи, которая настигла его 16 октября 1946 года. Как же далек был этот мрачный каземат от роскошного дома в Далеме под Берлином, где некогда кипела жизнь! В тюремной камере, сочиняя свои полные самообмана и лжи мемуары, Риббентроп предавался воспоминаниям о своих сокрушительных провалах. Посольство в Англии, без сомнения, занимало в этом списке важное место. Будь он чуть менее тщеславен и заносчив, он мог бы извлечь ценный урок из встречи в Берлине в августе 1936 года с сэром Робертом Ванситтартом, заместителем государственного секретаря по иностранным делам. Ванситтарт, прочитав «Майн

Кампф»¹, был потрясен ею, полагая, что «ничто, кроме изменения переворота в немецких убеждениях, не сможет предотвратить новую катастрофу, но на это, увы, надежды мало, ибо истинная сущность немцев неподвластна переменам» [2].

Даже когда Риббентроп нудил, что «Гитлер предложил уникальную возможность для поистине нерушимого союза между Германией и Британией... Фюрер искренне стремится к взаимопониманию на основе равенства» [3], он словно в упор не замечал презрительной усмешки и глубокого скепсиса, застывших в глазах собеседника. Возможно, пелена самообмана спала с его глаз лишь в Нюрнберге, когда в зале суда прозвучали слова Ванситтарта: «Я никогда не был сторонником соглашения с Германией, ибо немцы в редких случаях держат свое слово» [4]. И только тогда Риббентроп огрызнулся, заявив: «Полагаю... политика Гитлера была лишь следствием политики, проводимой Ванситтартом в 1936 году» [5].

Когда 26 октября 1936 года Риббентроп прибыл в Лондон, воздух в городе был наэлектризован, атмосфера накалена до предела, хотя к Германии это не имело почти никакого отношения. Газетный магнат лорд Бивербрук, всегда чутко улавливавший настроения своей читательской аудитории, утверждал, что простому обывателю дела нет до Гитлера, что он для них — лишь «политический феномен, который скоро канет в Лету» [6]. Пророчества о провале посольства Риббентропа звучали задолго до его приезда. Сэр Эрик Фиппс, британский посол в Германии, еще за две недели до этого в письме Ванситтарту предрекал фиаско. Фиппс писал, что фон Нейрат «не на шутку обеспокоен... [они] с тревогой

¹ Книга Адольфа Гитлера «Моя борьба» (Mein Kampf) входит в федеральный список экстремистских материалов, распространение, хранение и производство которых запрещено в соответствии с законодательством Российской Федерации. — *Прим. ред.*

взирают на его лондонскую миссию, ибо он начисто лишен уважения к устоявшимся традициям и чувства времени» [7].

Риббентроп оправдал худшие ожидания. Едва вступив на новую должность, он начал допускать промах за промахом, превращая каждый свой шаг в дипломатический конфуз. Чего стоила хотя бы его попытка вскинуть руку в нацистском приветствии в Даремском соборе, когда грянул гимн «Славные дела Твои воспеваются», исполняемый на мелодию, до боли напоминающую «Германия превыше всего»! Вскоре за ним прочно закрепилось прозвище «посол Брикендроп»¹, и с каждым днем он все больше и больше компрометировал свой высокий пост и ставил в неловкое положение своего фюрера. Бывший премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж, не стесняясь в выражениях, заявил о нем: «Этот человек не способен вести политическую беседу на равных, а уж представлять свою страну на международной конференции — это и вовсе не для него. Он там будет как слепой котенок, беззащитный перед любым мало-мальски сообразительным противником» [8]. Чтобы назначение было хоть в какой-то степени оправданным, Риббентропу нужен был громкий дипломатический успех, прорыв, который затмил бы все его предыдущие неудачи. И он нашел, как ему казалось, человека, заинтересованного в тесном англо-германском сближении, «своего рода английского национал-социалиста» [9]. К счастью для Риббентропа, этим человеком оказался сам король Англии.

Новый монарх, Эдуард VIII, унаследовал корону 20 января 1936 года, после смерти своего отца, Георга V. Статный красавец, обладавший неотразимым обаянием и юношеским за-

¹ Прозвище «Брикендроп» (Brickendrop) основано на английском слове brick — кирпич. В английском языке фраза drop a brick (буквально — «уронить кирпич») означает совершить грубую ошибку или сказать что-то неуместное. — *Прим. пер.*

дором, Эдуард был любимцем публики, он словно вдохнул в чопорный королевский двор струю свежего воздуха, привнес в него немного блеска и очарования. Поговаривали, что он не прочь опрокинуть пару-тройку коктейлей в ночных клубах, да и в обществе прекрасных дам чувствует себя весьма непринужденно. Именно его неутолимая страсть к *cherchez la femme*¹ создавала в Лондоне в конце 1936 года атмосферу тревожного ожидания, хотя Риббентроп поначалу и не подозревал о масштабах надвигающейся бури.

Король, ко всему прочему, оказался убежденным националистом, не чуждым порой и ксенофобии. В письме 1921 года к своей возлюбленной Фреде Дадли Уорд он позволил себе крайне нелестно высказаться об австралийских аборигенах: «самые отвратительные создания, которых я когда-либо видел... почти обезьяны». Он водил дружбу с Освальдом Мосли, харизматичным лидером Британского союза фашистов, и, согласно полицейскому отчету от марта 1935 года, с явным интересом расспрашивал Мосли о «силе и политической программе» БСФ [10]. Ему также приписывали симпатии к Гитлеру, которого он считал энергичным реформатором, а немецкие корни укрепляли его давнюю привязанность к Германии. Риббентроп с придыханием говорил, что «он жаждет добрых англо-германских отношений... Король Эдуард VIII неоднократно демонстрировал свою благосклонность к Германии и горячо поддерживал идею встречи лидеров ветеранских организаций Германии и Британии» [11]. Не кто иной, как личный секретарь короля, Алек Хардинг, впоследствии жаловался, что «его [короля] связи вызвали серьезную тревогу у тех, кто знал о прогерманских симпатиях этой группы и с опасением наблюдал за вектором немецкой политики» [12].

¹ *Cherchez la femme* (фр.) — «ищите женщину». Выражение, означающее, что причиной возникших сложностей или проблем является женщина. — *Прим. пер.*

В июле 1935 года принц Уэльский, тогда еще наследник престола, нанес визит в посольство Германии в качестве почетного гостя, став первым членом королевской семьи, посетившим немецкое представительство, с 1914 года. Проявляя столь свойственный ему дар эмпатии, хотя иные склонны были объяснять такие действия лишь жадой внимания, он публично призвал протянуть немцам «руку дружбы» бывших солдат «некогда враждовавших, а ныне забывших о былом и Великой войне» [13]. Это заявление вызвало в Англии неоднозначную реакцию и бурю споров, в то время как нацисты ликовали в единодушном восторге. Для них это был настоящий пропагандистский триумф, и Эдуард в их глазах выглядел как идеальный партнер для Германии. Впечатление усилилось благодаря донесению двоюродного брата принца, герцога Саксен-Кобургского¹, утверждавшего, что принц считает англо-германский союз «насушной необходимостью и основополагающим принципом британской внешней политики». Герцог, чья предвзятость не вызывала сомнений, уверял, что Эдуард, уже взойдя на престол, в ответ на опасения премьер-министра относительно его излишней политической активности якобы заявил: «Кто здесь король? Болдуин или я? Я сам намерен говорить с Гитлером и сделаю это, будь то здесь или в Германии. Передайте ему мои слова» [14].

Амбициозный Риббентроп поставил личной целью снизить расположение этого принца, чья душа, как ему виделось, была распахнута навстречу новому. Начало было положено еще на первой их встрече — в июне 1935 года, на званом обеде, что давала светская львица и пылкая поклонница Германии леди Мод «Эмеральд» Кунард, которая была в восторге от присутствия гостя, которого она с упоением представила как «самого настоящего, живого нациста» [15].

¹ Здесь и далее употребляется в сокращенном виде, полностью — герцог Саксен-Кобург-Готский. — *Прим. ред.*